

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-31-51>
Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 31–51.
Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 31–51.
<https://ama.sgu.ru/ru>
Научная статья
Article
УДК [930.2:94](38)+929[Геродот+Фукидид+Ксенофонт]

**БУДУЩЕЕ ГЕРОДОТА – НАСТОЯЩЕЕ ФУКИДИДА – ПРОШЛОЕ
КСЕНОФОНТА (ΑΡΧΗ, ΗΓΕΜΟΝΙΑ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ
ТЕНДЕНЦИИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ
ГЛАЗАМИ ТРЕХ ВЕЛИКИХ ИСТОРИКОВ)**

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия,
г. Москва, Ленинский пр-кт, 32а.

Суриков Игорь Евгеньевич, д.и.н., главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ, isurikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6146>.

Аннотация: в статье рассматривается ряд сюжетов, связанных с империалистическими тенденциями в Греции второй половины V и первой половины IV в. до н.э. и с освещением этих процессов в трудах авторов, перечисленных в заголовке. Автор полемизирует с недавно высказанной гипотезой, согласно которой Геродот был еще жив и писал в период, когда окончилась Пелопоннесская война. Делаются наблюдения относительно внешне-политических симпатий Геродота, Фукидида и Ксенофонта. Указывается, что если во второй половине V в. до н.э. Афины стремились добавить к своей ἀρχή еще и ἡγεμονία, то в первой половине IV в. до н.э. Спарта начала трансформировать свою ἡγεμονία в ἀρχή.

Ключевые слова: Геродот, Фукидид, Ксенофонт, ἀρχή, ἡγεμονία, империя, Пелопоннесская война, Афины, Спарта, Персия.

Для цитирования: Суриков И.Е. Будущее Геродота – настоящее Фукидида – прошлое Ксенофонта (ἀρχή, ἡγεμονία и империалистические тенденции в классической Греции глазами трех великих историков) // Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 31–51. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-31-51>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

**HERODOTUS' PAST – THUCYDIDES' PRESENT – XENOPHON'S
FUTURE (ΑΡΧΗ, ΗΓΕΜΟΝΙΑ AND
IMPERIALIST TENDENCIES IN CLASSICAL GREECE
THROUGH THE EYES OF THREE GREAT HISTORIANS)**

I.E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334 Russia.

Surikov Igor Evgenievich, prof. Dr. in History; chief researcher, department of comparative studies in ancient civilizations, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; professor, department of the history and theory of culture, faculty of cultural studies, Russian State University for Humanities, isurikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6146>.

Abstract: the article deals with some topics connected with imperialist tendencies in Greece of the last half of the 5th and the first half of the 4th century BC and with treatment of these developments in the work of the authors mentioned in the title. The author argues against a recent hypothesis, according to which Herodotus was still alive and writing in the period when the Peloponnesian War came to its end. Observations are made concerning foreign-policy sympathies of Herodotus, Thucydides and Xenophon. A point is made that, if in the last half of the 5th century BC Athens sought to add the ἡγεμονία to its ἀρχή, later in the first half of the 4th century BC Sparta started transforming its ἡγεμονία to ἀρχή.

Keywords: Herodotus, Thucydides, Xenophon, ἀρχή, ἡγεμονία, empire, the Peloponnesian War, Athens, Sparta, Persia.

For citation: *Surikou I.E.* Herodotus' past – Thucydides' present – Xenophon's future (ἀρχή, ἡγεμονία and imperialist tendencies in Classical Greece through the eyes of three great historians) // *Ancient World and Archaeology*. 2023. No. 21. Pp. 31–51 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-31-51>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Краткие терминологические замечания. На сегодняшний день является уже воистину общим местом в науке тезис, согласно которому Геродот в своей «Истории» (в особенной степени – ближе к концу сочинения) делает в завуалированной форме грозные предостережения афинянам, пророчески указывая на то, что взятый ими империалистический курс может привести их к плачевному концу, как привел к такому Персидскую державу. Эта идея проходит буквально из работы в работу; дабы не перегружать аппарат обширным библиографическим списком, достаточно будет сослаться – в чисто иллюстративных целях – на несколько статей из совсем недавно вышедшей фундаментальной трехтомной «Herodotus Encyclopedia», которая представляет собой максимально полный и репрезентативный срез современного состояния геродотоведения¹.

Пророчество «отца истории» оправдалось: о том, как Афины в ходе Пелопоннесской войны пришли к краху, взялся рассказать Фукидид, а завершать выполнение этой задачи пришлось Ксенофону. О нескольких релевантных сюжетах и проблемах, порождаемых текстами этих трех авторов, пойдет речь в данной статье. Сразу оговорим: в связи с тем, что в заголовке мы назвали всех троих «великими историками», нам могут сделать замечание в том смысле, что Ксенофонту-де недостойно эпитета «великий». Это распространенная точка зрения, и действительно с Геродотом и Фукидидом их младший «коллега» вряд ли может быть в полной мере сопоставлен, если иметь в виду, так сказать, качество исторического нарратива. Но уступить этим двум колоссам, думается нам, не зазорно: ведь им точно так же уступит и *любой другой* представитель древнегреческого историописания.

Вообще говоря, есть некий парадокс в специфике эволюции исторической науки у эллинов. Как правило, становление научной дисциплины начинается с робких и даже неуклюжих попыток, затем проис-

¹ Brock 2021: 115; Welser 2021: 193; Boedeker 2021: 504.

ходит постепенное совершенствование, но высшего своего развития она достигает лишь спустя достаточно длительный период (порой – в несколько веков). А в историографии греков сразу после пресловутых робких попыток (Гекатей Милетский, Ферекид Афинский и др.) появляются два подлинных шедевра – труды Геродота и Фукидида, написанные на таком высочайшем уровне, который в дальнейшем более не был достигнут на протяжении всей античности. Что же касается Ксенофонта, в «пятерку» самых крупных древнегреческих историков он в любом случае войдет, так что называть его великим, считаем оправданным.

Наша статья не посвящена вопросам терминологии, но в ее начале все-таки будет уместно хотя бы в двух словах высказаться по поводу двух потестарных терминов, вынесенных в ее подзаголовок. Первая из этих лексем, ἀρχή, имеет более общий характер и поразительно трудна для перевода ввиду своей сугубой полисемантической: помимо двух основных значений, «власть» и «начало», у нее есть немало дополнительных (словарь LSJ дает в совокупности 14²). Из этих значений нас здесь будет интересовать только то, которое на русском обычно передается как «держава» и относится к мощному военно-политическому объединению, созданному Афинами в V в. до н.э. Αρχή в данном значении, в частности, постоянно фигурирует у Фукидида (первый по ходу изложения случай – Thuc. I.35.4).

В литературе на западных языках в таких контекстах в качестве эквивалентов ἀρχή употребляются существительные, означающие империю (empire, Reich и т.п.). Словосочетание «Афинская империя» в зарубежной историографии является в высшей степени устойчивым³. В отечественном же антиковедении этого словосочетания обычно избегают, либо просто транскрибируя слово ἀρχή кириллицей («Афинская архэ»), либо используя выражение «Афинская морская держава» (как правило, именно так, а не просто «Афинская держава», хотя, строго говоря, термин ἀρχή ни в малейшей мере не подразумевает чего-либо специально морского).

Подобное положение сложилось еще в советское время, и, как нам представляется, здесь могли сыграть свою роль подспудные идеологические мотивы: в марксистской исторической науке афинская симмахия подавалась как явление в целом прогрессивное («попытка преодоления полисной раздробленности и разобщенности»⁴), а слово «империя» со времен свержения Романовых несло негативный оттенок. Одним из немногих у нас, кто говорил именно об «Афинской им-

² Liddell et al. 1996: 252.

³ Несколько примеров, взятых практически наугад: Meiggs 1972; Kagan 1987; Rhodes 1993; Mattingly 1996; Mills 1997; Figueira 1998; Constantakopoulou 2007; Kallet, Kroll 2020.

⁴ Кузищин 1986: 188.

перии» стал В.М. Строецкий⁵ (хотя параллельно встречаем у него и «Афинскую морскую державу»⁶).

Признаться, когда автор этих строк в молодости читал Строецкого, «Афинская империя» несколько резала ему глаз. Теперь, однако, мы считаем, что выражаться так – и допустимо, и оправданно. Разве что непривычно: более распространенное словоупотребление настолько, как говорилось, «въелось» в наших антиковедов, что, делая в последнее время на конференциях доклады об империализме афинян в V в. до н.э., мы потом выслушивали от коллег замечания: а почему, дескать, мы называем Афинскую архэ империей? Разве она была таковой?

По нашему глубокому убеждению, была. Другое дело, что ее не так легко вписать в типологию империй: она представляет собой отнюдь не самый распространенный в истории тип имперского образования. Гораздо чаще встречаются империи континентального («почвенного», «компактного») типа, такие, как Римская империя, представляющие определенное территориальное единство. Здесь же перед нами «дисперсная» империя, состоящая из метрополии и заморских Владений. Схожее явление узнала Европа Нового времени, начиная с эпохи Великих географических открытий, когда стали возникать колониальные империи – испанская, португальская, голландская, французская и самая знаменитая среди них Британская империя. Применительно же к эпохе древнего мира к этой категории можно отнести, пожалуй, лишь карфагенскую колониальную империю.

В любом случае принципиальным отличием Афинской архэ от всех этих колониальных империй, да и континентальных тоже, являлось то, что если они сложились постепенно в результате территориальных захватов, то путь формирования Архэ был совершенно иным. Вначале имеем разовый акт – создание рядом полисов на добровольной основе Делосского союза; затем же – низведение Афинами этих независимых союзников (αὐτόνομοι σύμμαχοι) до положения подданных полисов (ὑπήκοοι πόλεις)⁷. Тут перед нами даже уникальная ситуация: в униженных подданных были превращены не противники, побежденные в войне, а бывшие друзья. Не удивительно, что ближе к началу Пелопоннесской войны Афины получили в греческом мире репутацию «города-тирана» (Thuc. I.122.3), и обоснованность этой репутации признавали наиболее откровенные политики из числа самих афинян: Перикл (Thuc. II.63.2), Клеон (Thuc. III.37.2)⁸.

Но вернемся к терминологическим проблемам. Относительно лексемы ἀρχή в интересующем нас значении имеет смысл оговорить, что даже и в зарубежной литературе она иногда (изредка) не переводится

⁵ См. прежде всего: Строецкий 1991. О месте работ этого исследователя в отечественной историографии по данной тематике см. теперь: Макарова 2021: 5–13.

⁶ Напр.: Строецкий 1991: 138.

⁷ Об этом типе зависимых полисов см.: Hansen 2004: 87, 90.

⁸ В связи с этим дискурсом см.: Hall 2010: 11–28.

через империю, а транскрибируется кириллицей; так делают ученые, стремящиеся к наибольшей акрибии⁹. Перейдем теперь к ἡγεμονία – «гегемонии». Этот термин, во-первых, более конкретен¹⁰. Если ἀρχή имеет общий корень с ἄρχω («властвовать, править»), то ἡγεμονία происходит в конечном счете от ἄγω («вести»). Имеется в виду, прежде всего, военное предводительство.

Во-вторых, он является более древним по сравнению с термином ἀρχή, взятом в его узком смысле «империя, держава». Последний появляется в V в. до н.э., в связи с возрастанием морского могущества Афин (до того об «имперских», или «державных», амбициях в Греции говорить не приходится), в то время как ἡγεμονία встречается уже в архаическую эпоху. Гегемоном назывался полис, являющийся лидером крупной симмахии традиционного типа (такой, например, как Пелопоннесский союз). В связи с созданием в 481 г. до н.э. Эллинского союза¹¹, номинально представлявшего всех греков, можно было уже вести речь и о гегемоне Эллады. Это положение заняла, естественно, Спарта. Борьба Афин за то, чтобы вырвать у нее «пальму первенства» и добавить к своей ἀρχή еще и ἡγεμονία, стала главным содержанием периода Пентеконтаэтии и привела в конечном счете к Пелопоннесской войне, по итогам которой Спарте удалось гегемонию удержать (и трансформировать, о чем речь пойдет ниже).

Правда, позже афиняне, пытаясь залечить болезненную травму поражения и постоянно апеллируя к собственному «великому прошлому», создали миф, согласно которому их город якобы стал гегемоном после изгнания Ксеркса. Подобная точка зрения отразилась, например, в «Надгробной речи» Лисия, созданной в годы Коринфской войны (Lys. II.47; Пер. С.И. Соболевского): «...Афиняне прочно завоевали свободу Европе и, давши доказательство своей храбрости во всех боях, сражались ли они одни или с другими, на суше или на море, с варварами или с эллинами, были удостоены всеми – как теми, с кем вместе они сражались, так и теми, против кого боролись, – чести стать во главе Эллады (ἡγεμόνες γενέσθαι τῆς Ἑλλάδος)». Но это не более чем попытка выдать желаемое за действительное, «превознести афинян перед афинянами» (Ἀθηναίους γε ἐν Ἀθηναίους ἐπαινῶν), как иронически выразился Платон в диалоге «Менексен», пародирующем как раз такие вот надгробные речи (Plat. Menex. 235d)¹².

Какие события застал Геродот? Перейдем, наконец, к историкам. Геродот писал о первом периоде Греко-персидских войн, но имел в виду и дела более позднего времени. В связи с его пророческими

⁹ Напр.: Rawlings 1979: 272–279; Funke 1980; Kallet 2013: 1–18.

¹⁰ О понятии гегемонии (в афинском, спартанском и иных контекстах) см.: Hammond 1969: 111–144; Hamilton 1991; Ober 1994: 102–126; Papadopoulou 2012: 377–404; Rufin Solas 2016: 113–123; Low 2018: 433–454.

¹¹ Kienast 2003: 43–77.

¹² О значении надгробных речей (эпитафиев) для формирования афинской идентичности см. классический труд: Loraux 1981.

предостережениями, о которых говорилось в начале статьи, в высшей степени уместен вопрос: какие из фактов, имевших место после 478 г. до н.э. (до этого года доведено основное изложение в геродотовском труде¹³), были известны «отцу истории», то есть какие из пресловутых пророчеств были на самом деле не пророчествами, а констатацией уже происшедшего? Тот же вопрос можно поставить в более простой и прямолинейной форме: когда Геродот скончался?

Вопрос этот в самое последнее время приобрел небывалую ранее остроту. На протяжении десятилетий и даже веков практически абсолютно господствовало *communis opinio*, относящее смерть историка к первой половине 420-х гг. до н.э. Оно основывалось на том, что в трактате Геродота есть четыре места, демонстрирующие знакомство автора с событиями самого начала Пелопоннесской войны.

Приведем соответствующие пассажи. В одном из них Геродот, говоря о фиванском политике Леонтиаде, замечает: «сына Леонтиада Евримаха впоследствии умертвили платейцы, когда он во главе 400 фиванцев захватил их город» (Hdt. VII.233; Геродот и Фукидид цитируются в переводе Г.А. Стратановского). Убийство Евримаха произошло в 431 г. до н.э. Параллельное место из Фукидида: «Тогда платейцы... немедленно перебили пленников. А пленников было 180 человек (и среди них Евримах, с которым изменники вели переговоры» (Thuc. II.5.7).

В другом месте (Hdt. VI.91) говорится об изгнании афинянами эгинцев с их острова (параллельное место из Фукидида: Thuc. II.27.1). Этот факт относится к 430 г. до н.э., как и следующий (Hdt. VII.137; ср. Thuc. II.67) – казнь в Афинах спартанцев Николая и Анериста, а также коринфянина Аристея. Эти лица направлялись послами к персидскому царю, но были в пути перехвачены афинянами.

Наконец, упоминание «войны, которая случилась много лет спустя после упомянутых событий (Платейской битвы – И.С.) у афинян с пелопоннесцами» (Hdt. IX.73) тоже могло быть сделано только после 431 г. до н.э. А вот о событиях 429, 428, 427 и последующих лет никакой информации в «Истории» не встречается, из чего и делают вывод, что они остались Геродоту неизвестными, а, значит, он до них не дожил.

Особняком стояло мнение Ч. Форнары¹⁴, который, основываясь на некоторых соображениях косвенного характера, предположил, что «отец истории» застал Никиев мир 421 г. (он считал, что война между афинянами и пелопоннесцами в IX.73 мыслится автором как закончившаяся¹⁵, а, стало быть, речь идет об Архидамовой войне), и, соот-

¹³ Как мы считаем, не завершено автором (Суриков 2011: 271–279; ср. Гаспаров 1997: 483–489). Впрочем, вопрос этот сложен (многие ученые считают, что Геродот довел «Историю» до логического конца; из примеров самого недавнего времени см. Voedeker 2021: 504), и здесь мы не будем на нем останавливаться.

¹⁴ Fornara 1971: 25–34.

¹⁵ Что, впрочем, невозможно доказать. Да, в оригинале употреблено причастие аориста (πόλεμον... γένόμενον), но, учитывая широкий спектр значений

ветственно, датировал публикацию его труда 410-ми гг. до н.э. (ориентировочно – временем ок. 414 г.). Последователей Форнара практически не обрел, и традиционная точка зрения продолжала доминировать, но вот теперь с гораздо более радикальной гипотезой выступила Э. Ирвин¹⁶. Эта исследовательница – филолог пост-модернистского направления; ей милы разного рода деконструкции, что она продемонстрировала, в частности, в своей монографии о Солоне¹⁷, из которой реальный исторический облик этого выдающегося афинянина как будто вовсе куда-то «испарился»¹⁸.

Итак, Ирвин начинает с констатации того факта, что «вопросы датировки основываются на трех типах свидетельств: информации из биографической традиции; предполагаемых аллюзий на Геродота в аттической драме и у Фукидида; и содержащихся в самой «Истории» упоминаний (либо прямых, либо только подразумеваемых учеными) современных автору событий»¹⁹. Биографическая традиция мало что дает в этом плане, тем более что она в основном является поздней. Одно из нечастых исключений – сообщение Диилла (Diyll. FGrHist. 73.F3), писателя конца IV в. до н.э., то есть относительно близкого по времени к «отцу истории». Согласно этому сообщению, известное постановление афинской экклесии о денежной награде Геродоту (10 талантов) за публичные чтения из «Истории» было принято по предложению некоего Анита. Ирвин отождествляет этого Анита с тем, который в 399 г. до н.э. обвинял Сократа, а впервые появляется в источниках в 409/408 г. до н.э. как стратег. Соответственно, она делает вывод, что контекст события – последнее десятилетие V в. до н.э., но это построение выглядит очень шатким. Тождество двух Анитов невозможно доказать, но даже если оно и имело место²⁰, Анит, уже немолодой во время процесса Сократа, вполне мог начать политическую деятельность еще до Пелопоннесской войны. Кроме того, выплата историка такой огромной суммы в 400-е гг. до н.э., когда Афины сильно

глагола γίγνομαι, среди которых – и «возникать, начинаться», данная форма не дает еще повода считать, что имеется в виду завершившееся событие.

¹⁶ Irwin 2021: 409–412.

¹⁷ Irwin 2005.

¹⁸ См. нашу характеристику этой книги: Суриков 2022с: 184–185.

¹⁹ Irwin 2021: 409.

²⁰ Оно, впрочем, крайне маловероятно, помимо прочего, в силу вот каких соображений. Анит, обвинитель Сократа, – решительный противник «модных» интеллектуальных веяний, обскурант. Потому-то он и становится врагом философа, которого воспринимает как одного из софистов. Сложно представить себе, чтобы подобный человек мог внести предложение о весьма значительной награде деятелю культуры (особенно учитывая, что Геродот был близок к некоторым софистам, особенно к Протагору, и в его труде местами ощущается влияние софистического релятивизма; см., напр., Hdt. III.38 и в связи с этим пассажем – Kingsley 2018: 37–58).

обеднели в результате военных трат и прекращения поступления форо́са²¹, сама по себе выглядит крайне маловероятной²².

Что касается аллюзий у других авторов V в. до н.э. (из драматургов таковые находят у Софокла, Еврипида, Аристофана, плюс не забудем о Фукидиде), Э. Ирвин приводит ожидаемый набор доводов в пользу того, что они не являются датирующим признаком. Во-первых, в ряде случаев перед нами, возможно, не аллюзии, а «интертекстуальность» (излюбленный прием приверженцев деконструкционизма). Во-вторых, поскольку Геродот задолго до окончания труда устраивал вышеупомянутые устные чтения, современные ему авторы могли получить соответствующую информацию из этих чтений, а не из письменного текста «Истории». В-третьих, порядок заимствования может быть и противоположным: так, по мнению исследовательницы, геродотовский пассаж о Миносе (Hdt. III.122) является ответом на фукидидовский (Thuc. I.4), а не наоборот.

А относительно того, что Геродот упоминает о нескольких событиях, имевших место в 431–430 гг. до н.э., но ни об одном более позднем, Ирвин замечает, что и данный факт нельзя считать доказательством того, что он уже не видел событий более поздних. Просто он не ставил себе цели о них писать, ведь его трактат посвящен совсем иной теме – истории войн с персами по 478 г. до н.э. К тому, что происходило после этого года, у него только 17 отсылок, в частности, к периоду между 450 и 431 гг. до н.э. – ни одной. Ясно, что все эти отсылки, в общем, случайны и их наличие/отсутствие ни о чем не говорит.

Сама Ирвин полагает, что историк «отложил перо» значительно позже, чем обычно считается и чем считал даже Форнара. Аргументы, на которых она возводит свои построения, нельзя, впрочем, не признать в высшей степени шаткими и гадательными. Среди них – апелляция к следующему месту: «Ведь за время царствования Дария, сына Гистаспа, Ксеркса, сына Дария, и Артаксеркса, сына Ксеркса, на протяжении этих трех поколений (ἐπὶ γὰρ Δαρείου τοῦ Ὑστάσπερος καὶ Ξέρξεω τοῦ Δαρείου καὶ Ἀρτοξέρξεω τοῦ Ξέρξεω, τριῶν τούτων ἐπεξῆς γενέων) Эллада испытала больше невзгод, чем за двадцать поколений до Дария» (Hdt. VI.98).

²¹ Именно на 400-е гг. до н.э. приходятся финансовые меры, свидетельствующие о просто-таки бедственном состоянии бюджета: переплавка статуй Ники для выпуска золотой монеты и медная чеканка. Э. Ирвин совершенно не принимает это в расчет. Беда постмодернистского деконструкционизма именно в том, что он сознательно устраняет исторический контекст для свидетельств источников.

²² Ирвин комментирует: «Хотя, безусловно, большой, указанный гонорар в десять талантов не выглядит необыкновенным за выступление с текстом, общий объем которого должен был потребовать несколько дней для чтения» (Irwin 2021: 409). Но ровно ни из чего не следует, что Геродот прочел афинянам всю «Историю» полностью. Практически несомненно, что он ознакомил слушателей с какими-то выдержками из своего труда.

Это не единственное упоминание Геродота об Артаксерксе I, есть и другие (Hdt. VII.106; VII.151–152), что не удивительно: ведь около половины его жизни пришлось на правление этого царя. Но нельзя, вопреки Э. Ирвин, делать вывод, что «отец истории» говорит о царствовании Артаксеркса как о завершившемся и, следовательно, дожил до его смерти в 424 г. до н.э. Формулировки источника не дают для этого прямого повода, тем более что следующий представитель династии Ахеменидов – Дарий II – в геродотовском труде не фигурирует.

Перейдем к следующему доводу Ирвин. Он касается острова Киферы у спартанского побережья. У Геродота опальный спартанский царь Демарат говорит Ксерксу: «...У берегов Лаконии лежит остров по имени Кифера. Об этом острове Хилон – один из наших мудрецов – сказал, что спартанцам гораздо лучше было бы, если бы он погрузился в море, а не возвышался над водой. Хилон всегда ожидал с этого острова какого-нибудь нападения» (Hdt. VII.235). Заключать отсюда, как делает Ирвин, что историк знал о захвате Киферы афинянами в 424 г. до н.э., – значит не более чем высказывать чисто произвольную догадку.

Сказанное в полной мере относится и к следующему привлекаемому исследовательницей пассажу, в котором появляется персидский полководец Датис: «На одном финикийском корабле была найдена позолоченная статуя Аполлона. Датис велел узнать, откуда она похищена. Узнав, из какого святилища ее захватили, Датис отплыл на своем корабле на Делос. Там он поставил статую в святилище, а делосцам... приказал отвезти ее в фиванский Делий (город этот лежит на побережье против Халкиды). Затем, отдав эти приказания, Датис снова отплыл. Делосцы же не отвезли эту статую на место, и только двадцать лет спустя сами фиванцы по велению бога возвратили ее в Делий» (Hdt. VI.119).

Эпизод со статуей прерывает ход повествования (Геродот в данном месте рассказывает о возвращении Датиса на родину после Марафонской битвы 490 г. до н.э.), но в этом нет ничего необычного: подобного рода отступлений в «Истории» множество. А уж как Э. Ирвин видит здесь аллюзию на сражение при Делии в 424 г. до н.э. – нашему уму непостижимо. Более того, она находит в том же труде аллюзию даже и на сражение при Эгоспотамах в 404 г. до н.э. – исходя единственно из того, что Геродотом однажды упоминается эта речка (Hdt. IX.119). Как говорится, комментарии излишни.

Итак, доказательства весьма поздней датировки завершения историком своего сочинения сводятся, сущности, к серии откровенных натяжек, к цепочке, в которой слабым является буквально *каждое* звено. «Коронным» же аргументом для нее становится анализ рассказа Геродота о Декелее (Hdt. IX.73). Рассказ этот довольно пространен, но придется его привести.

«...Когда встарь Тиндариды в поисках похищенной Елены с большой ратью вторглись в аттическую землю и разорили селения, так как не знали, где скрыта Елена, тогда, по преданию, декелейцы (по другим же – сам Декел) с досады на буйное насилие Тесея и в страхе за всю аттическую землю открыли все Тиндаридам и показали им дорогу в Афи-

ны... В награду за этот поступок декелейцы пользуются в Спарте (вплоть до сего дня) освобождением от налогов и правом на почетное место во время праздников. Даже еще во время войны, которая случилась много лет спустя после упомянутых событий у афинян с пелопоннесцами, лакедемоняне, опустошив остальную Аттику, пощадили Декелею (σινωμένων τὴν ἄλλην Ἀττικὴν Λακεδαιμονίων, Δεκελῆς ἀπέχεσθαι).

Э. Ирвин претендует на то, что она первой правильно поняла это место, а ранее все толковали его превратно, считая, что оно дает надежнейший *terminus ante quem* для написания «Истории» Геродота – 413 г. до н.э., когда спартанцы разместили в Декелее свой гарнизон. По ее мнению, глагол ἀπέχεσθαι здесь имеет тот смысл, что спартанская армия находится в Декелее и не грабит территорию этого дема. Таким образом, 413 г. до н.э. для исследовательницы оказывается, напротив, *terminus post quem* для завершения работы историка. Более того, поскольку Геродотом упомянуты почести, предоставленные спартанцами жителям Декелеи, а эти почести, полагает она, могли быть реализованы лишь после окончания Пелопоннесской войны и последующей смуты в Афинах, этот *terminus post quem* смещается даже к 403 г. до н.э.: только тогда-де могли быть написаны разбираемые фразы.

Все это опять же до крайности уязвимо. Традиционное понимание пассажа IX.73, относящее его ко времени куда как более раннему, чем 413 или тем более 403 г. до н.э.²³, остается предпочтительным. Нелишним, кстати, будет вопрос: почему Алкивиад, советуя спартанскому командованию создать укрепленный плацдарм на территории афинского полиса, сразу предложил именно Декелею (Thuc. VI.91.6 – это первое упоминание о Декелее у Фукидида), а не какой-либо другой из многочисленных сельских демов Аттики? Не потому ли, что он знал об особых, дружественных отношениях между спартанцами и декелейцами, о привилегиях, которыми последние пользовались в Спарте? Иными словами, вполне можно допустить, что Алкивиад читал «Историю» Геродота (это вполне согласуется с преобладающей датировкой ее издания в 420-х гг. до н.э.) и почерпнул эту информацию оттуда.

При всем том довод Э. Ирвина относительно Декелеи предстает еще наиболее интересным во всей системе ее аргументации. Он хотя бы имеет право на существование. Но, будучи взят изолированно (а остальные-то, как мы видели, совсем уж слабы), он никак не в состоянии поддержать главный вывод Ирвина, согласно которому «отец истории» либо опубликовал свое сочинение в самом конце V в. до н.э., либо, по меньшей мере, выпустил в это время его дополненное переиздание²⁴.

²³ Гелланик Лесбосский в «Аттиде», писавшейся в 400-х гг. до н.э., возможно, вступает в скрытую полемику с Геродотом, когда в рассказе о похищении Елены Тесеем (Hellan. FGrHist. F168) даже не упоминает о Декелее. Гелланик и лично был знаком с Геродотом, и читал его труд (подробнее см.: Суриков 2021: 837–862).

²⁴ Irwin 2021: 411.

Из только что рассмотренных построений вырисовывается картина, в которую крайне трудно поверить: Геродот, умерший лишь чуть-чуть раньше Фукидида. Или даже переживший его? Исследовательница решает на парадоксальное утверждение: из формулировок в «методологическом» пассаже Фукидида (Thuc. I.22) следует, утверждает она, что последний еще не видел труд Геродота в письменной форме²⁵. Между прочим, не можем не заметить, что, доживи галикарнаский историк, как минимум, до самого конца V в. до н.э., он перешагнул бы восьмидесятилетний рубеж. В таком случае странно, что он не фигурирует ни в одном из перечней долгожителей, которых немало дошло из античности.

Итак, каких-либо свидетельств о делах после 430 г. до н.э. в «Истории» доказательно обнаружить не удастся, и приходится исходить из того, что ее автор застал только начало Пелопоннесской войны. Впрочем, уже само развязывание этого вооруженного конфликта должно было стать шоком для Геродота, певца панэлинского единства, и навести его на грустные мысли. А тут еще присовокупилась вспышка эпидемии в Афинах, которая произвела на современников впечатление настоящей катастрофы. Видимо, этот ряд связанных друг с другом событий побудил историка Греко-персидских войн на его пессимистический прогноз.

Как бы то ни было, резонной представляется формулировка С. Хорнблэуэра: Геродот и Фукидид были «в реальном смысле современниками и соперниками»²⁶. Здесь на самом деле перед нами целая череда интереснейших и сложнейших проблем. Насколько достоверна традиция (Маркеллин, лексикон «Суда») о том, что два «служителя Клио» были знакомы лично, что Фукидид еще мальчиком присутствовал на одном из публичных чтений Геродота и прослезился, а галикарнасец, заметив это, сделал поощрительное замечание Олору, отцу юного слушателя? По большей части ее просто отбрасывают, поскольку она представлена в поздних источниках. Однако нам думается, что гиперкритицизм здесь вряд ли уместен. Во-первых, самое знаменитое чтение Геродота в Афинах (перед его отъездом в основываемые Фурии) имело место как раз тогда, когда Фукидид был подростком 12–13 лет. Во-вторых, из афинских аристократических родов «отец истории» был наиболее близок к роду Филаидов²⁷, из которого происходил Фукидид. Строго говоря, было бы удивительно как раз, если бы последний ни разу не встретился с Геродотом.

И уж совсем не приходится сомневаться в том, что историк Пелопоннесской войны читал труд галикарнасца. Правда, ссылок на него у Фукидида нет, и само имя Геродота не упоминается. Но это исключительно с общей манерой древнегреческих историков ссылаться (точнее, в основном как раз не ссылаться) на предшественников²⁸. Из старших

²⁵ Irwin 2021: 410.

²⁶ Hornblower 2004: 27.

²⁷ Surikov 2013: 45–70.

²⁸ В связи с этой манерой см. подробнее: Суриков 2018: 690–700.

коллеги Фукидид упомянул одного лишь Гелланика (Thuc. I.97.2), да и то только для того, чтобы его покритиковать²⁹. С Геродотом же он, безусловно, вступает в скрытую полемику по некоторым спартанским реалиям (Thuc. I.20.3)³⁰.

От Фукидида к Ксенофонту, или складывание спартанской ἀρχή. С другой стороны, все согласится с тем, что Ксенофонт читал сочинение Фукидида. Есть даже мнение (представляющееся весьма интересным), согласно которому именно Ксенофонт издал, отредактировав, попавший ему в руки неоконченный текст фукидидовской «Истории»³¹. В любом случае, он решил этот труд продолжить, плодом чего стала его Ἑλληνικά («Греческая история», как у нас обычно переводят).

Вопрос о том, когда у Ксенофонта возникла мысль о таком продолжении, кстати, сам по себе не вполне ясен. «Греческая история» в своем завершенном виде относится к самым поздним произведениям ее автора: изложение в ней доведено до 362 г. до н.э. Однако легко заметить, что первые две книги этого трактата, охватывающие 411–401 гг. до н.э. (последние годы Пелопоннесской войны и смута в Афинах), стоят в нем несколько особняком, представляя собой отдельный законченный нарратив. Похоже, что вначале Ксенофонт планировал им ограничиться, и было это, скорее всего, в 380-х гг. до н.э.; именно тогда появилась настоящая мода писать «продолжения Фукидида»³², начиная с того места, на котором он прервал повествование, – так поступили, в частности, Феопомп, Кратипп, неизвестный по имени «Оксиринхский историк». В дальнейшем Ксенофонт, видимо, увлекся «ремеслом историка» и стал излагать дальнейшие события, с рубежа V–IV вв. до н.э.

При сопоставлении трех авторов, о которых идет речь в нашей статье, одним из небезынтересных нюансов являются их внешнеполитические позиции. Всего легче выявить таковую для Ксенофонта: просто-таки бросается в глаза, что она является выражено проспартанской³³. Все признают его исторический труд в высшей степени тенденциозным – до того, что в нем предпринимаются все возможные попытки обелить Спарту от любых грехов, даже ценой умолчаний и чуть ли не инсинуаций. Самый знаменитый из тогдашних спартиатов, Агесилай II, – безусловный кумир Ксенофонта, написавшего его панегирическую биографию. А с другой стороны, Эламинонд, сокрушивший спартанское могущество, настолько Ксенофону ненавистен, что тот старается даже упоминать его как можно реже. Рассказать о бит-

²⁹ Lendle 1968: 661–682; Smart 1986: 19–35.

³⁰ Суриков 2011: 161–178.

³¹ Canfora 2006: 14–17.

³² Nicolai 2006: 693–719.

³³ Сознательно употребляем именно это прилагательное, а не «лаконофильской». Афинские лаконофилы вполне могли быть при этом патриотами Афин (Суриков 2015: 9–31); Ксенофонт же с определенного момента стал именно спартанским патриотом и на все события смотрел *sub specie Spartaе*.

ве при Левктрах и при этом даже не назвать имя Эпаминонда – это было нелегкой задачей, но Ксенофонт с ней справился.

Фукидид, несмотря на то, что пострадал от афинского демоса – стал изгнанником и был лишен возможности продолжать военную и политическую карьеру, о которой мечтал, – остался патриотом Афин, и его «История» написана с проафинской точки зрения. Потому-то, кстати, она и исполнена такой боли и горечи: понятны чувства человека, который видит, как город, который он страстно любит, идет к краху, причем фактически в значительной мере губит себя сам.

Наиболее сложен вопрос о симпатиях и предпочтениях Геродота. Долгое время господствовала точка зрения, согласно которой «отец истории» тоже являлся проафински настроенным автором, но к данному моменту она уже сильно поколеблена. Определенной вехой стала вызвавшая острую дискуссию статья Г. Штрасбургера «Геродот и перикловские Афины»³⁴, в которой настойчиво аргументировалось противоположное мнение – об антиафинской позиции историка.

Здесь, однако, необходимо уточнить некоторые нюансы. Прежде всего необходимо отметить, что вопрос «Геродот и Афины» должен быть отделен от вопросов «Геродот и Перикл» и «Геродот и Алкмеониды». Обычно эти сюжеты жестко увязывают друг с другом (Геродот-де был сторонником Афин, Перикла и Алкмеонидов), что, на наш взгляд, не вполне правомерно. Действительно, нет категорических оснований считать Геродота горячим приверженцем Перикла, членом «культурного кружка», созданного этим афинским политическим деятелем³⁵. Перикл упоминается в труде Геродота лишь один-единственный раз (Hdt. VI.131), причем в довольно двусмысленном контексте³⁶.

Теория же о близости уроженца Галикарнасса к Алкмеонидам была модной в 1970-х гг.³⁷, но уже в начале 1980-х было справедливо указано³⁸, что так называемая «апология Алкмеонидов» у Геродота (Hdt. VI.121), – в сущности, вообще не апология, а скорее пародия на такие апологии, полная иронии. И уж во всяком случае данный пассаж не является панегириком, не содержит никакой сознательно проводимой тенденции в пользу упомянутого рода³⁹. У Геродота, как говорилось выше, на самом деле обнаруживаются значительно более тесные отношения с Филаидами – этими вечными соперниками Алкмеонидов – и с их лидерами Кимоном и Фукидидом, сыном Мелесия.

С другой стороны, говорить о его враждебности к Афинам как таковым, афинскому полису, афинской демократии, на наш взгляд, нет

³⁴ Strasburger 1955: 1–25.

³⁵ Ср. скептические соображения по поводу традиции о пресловутом «кружке интеллектуалов», сплотившихся вокруг Перикла: Stadter 1991: 111–124; Will 2003: 313–316.

³⁶ Will 1995: 23.

³⁷ Недавняя попытка возродить ее (Samons 2017: 21–44) оказалась неудачной (см. нашу критику: Суриков 2017: 9–34).

³⁸ Hart 1982: 12 f.

³⁹ Develin 1985: 125–139.

решительно никаких оснований. Историк неоднократно бывал в «городе Паллады» и даже подолгу жил там. Более того, напомним, что в результате активной внешней политики Афин Геродот смог обрести себе «новую родину». Еще в молодости ему пришлось покинуть родной Галикарнасс после того, как он принял участие в неудачном заговоре против тирана Лигдамида. После этого он стал лицом без гражданства, не имевшим политических прав где бы то ни было. А в середине 440-х гг. до н.э., когда под эгидой Афин была основана в Южной Италии панэллинская колония Фурии, Геродот принял участие в этом мероприятии. Он переселился в Фурии, стал и до конца жизни продолжал оставаться их гражданином.

Однако в те времена, когда формировались политические взгляды будущего «отца истории», симпатия к Афинам еще совершенно не обязательно должна была означать антипатию к Спарте. Кимон, выстроивший систему афино-спартанского дуализма, был всем известным лаконофилом и в то же время горячим патриотом афинского полиса. Этот государственный деятель уподоблял Элладу упряжке, влекомой двумя лошадьми (Ion FGrHist. 392.F14), подразумевая под последними два города-гегемона.

Геродот усвоил именно эту точку зрения. В своем труде он постоянно подчеркивает как вклад Афин, так и вклад Спарты в победу над армадой Ксеркса во время Греко-персидских войн. В то же время он, пожалуй, склонен недооценивать роль остальных членов Эллинского союза, особенно же – Коринфа⁴⁰.

А теперь от личных мнений историков перейдем к тем реалиям, которые сложились в Греции в самом конце V в. до н.э., после завершения Пелопоннесской войны. Победив в ней, Спарта сохранила за собой гегемонию в эллинском мире. Но нельзя не заметить, что отныне сама эта гегемония приобретает некоторые новые черты. Ранее она воспринималась как некое символическое «первенство чести». Спарта не предпринимала серьезных попыток получать от нее какие-либо политические дивиденды, тем более – финансовые. Характерно, что она, в отличие от Афин, не взимала с зависимых от нее союзников фороса. И этим своим «бессребренничеством» спартиаты даже гордились.

В условиях «подтвержденной и обновленной» гегемонии многое изменилось. Спарта начала реально осуществлять силовое господство над Грецией, распоряжаться ее судьбой. Это проявилось в целом ряде ее действий. Прежде всего, она, как полновластный суверен, стала решать с Персией вопрос о малоазийских полисах, контроля над которыми настойчиво добивался ахеменидский двор. Вначале царю было в них отказано, результатом чего стали: нарастание спартано-персидской враждебности, военные действия Агесилая в Малой Азии и в конечном счете начало Коринфской войны. Спарта, испытывая в ходе этой последней трудности (и действительно нелегко было бороться против такой мощной коалиции, которая сложилась против нее), согласилась наконец на требования персов, что и было закреплено ус-

⁴⁰ Суриков 2011: 294–325.

ловиями «позорного» Анталкидова мира. Складывалось впечатление, что спартанские власти «торгуют греками».

Далее, явной мерой империалистического характера стало размещение во многих городах спартанских гарнизонов и назначение гарместов – фактически наместников. В свое время Афинская архэ, тягостность которой столь раздражала ее членов, все-таки не шла так далеко. Смутно известно о каких-то «епископах» – магистратах, которые Афины посылали в некоторые подчиненные полисы, но тут можно говорить о единичных случаях, Спарта же возвела подобную практику в систему, и систему весьма жесткую. В том же самом контексте следует рассматривать ликвидацию по спартанскому настоянию демократических режимов и учреждение олигархических декархий, подконтрольных гарместам. Лакедемоняне и здесь стали подражать афинянам, которые ранее, напротив, свергали олигархии в полисах своей морской державы.

Пошло ли подобное владычество на пользу самой Спарте, ее внутреннему развитию? В данном отношении факты говорят сами за себя: спартанский полис, став, казалось бы, таким сильным, как никогда, практически немедленно ввергается в жесточайший кризис. В принципе, все полисы в IV в. до н.э. испытывали кризисные явления, но в Спарте они проявились более болезненно, чем где-либо. Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко в специальной работе по спартанской проблематике этого времени авторитетно и, на наш взгляд, аргументированно высказались в пользу того мнения, что в Спарте «первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения», принципиальные изменения в системе ценностей⁴¹. В бытие спартанцев стали проникать такие дотоле чуждые ему явления, как деньги, имущественное расслоение; неизмеримо возросли коррумпированность элиты, стремление к роскоши.

Итак, в свое время афинский демос, не вняв предостережениям Геродота, попытался выстроить свою власть как сочетание ἀρχή и ἡγεμονία, что в случае реализации этого плана означало бы создание законченной имперской структуры. Они потерпели полную неудачу, а победители-спартанцы, не наученные горьким опытом противников, пошли, в сущности, по тому же пути, начав трансформировать свою ἡγεμονία в ἀρχή. Ошибка, таким образом, была повторена, и к тому же лакедемоняне действовали более прямолинейными и грубыми методами, чем афиняне. После Анталкидова мира спартанское господство в Элладе производило впечатление полного и непоколебимого. Спарта даже присвоила себе прерогативу институционально уничтожать полисы; так, был предпринят диойкизм Мантиней⁴² (диойкизм – процедура, противоположная синойкизму, разделение полиса на отдельные деревни). Но эта ἡγεμονία-ἀρχή, эта потенциальная империя тоже оказалась эфемерной, и, иначе, видимо, на том этапе быть уже не могло.

⁴¹ Маринович, Кошеленко 2002: 5–21.

⁴² Funke 2004: 427–435.

Геродот, что ни говорить, с чрезвычайной проницательностью указал (Hdt. IX.122) на причину крушения империй, которая и в дальнейшем действовала на протяжении самых разных эпох. Этот фактор в разговорном дискурсе часто формулируют так: «предались излишествам и впали в ничтожество». У самого же галикарнасского историка сказано несколько иначе (слова вложены в уста Кира Великого): «Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира... Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать над другими народами, чем быть рабами на тучной равнине». Написано как будто специально для спартанцев первой половины IV в. до н.э., изменивших своим старинным суровым нравам.

Общим итогом развертывавшихся на этом хронологическом отрезке событий и процессов стал развал после 362 г. до н.э. всей системы межгосударственных отношений в греческом мире, стремительное нарастание хаоса и в конечном счете закат блистательной полисной цивилизации. Такая, казалось бы, частная причина, как борьба амбиций, имела глобальные последствия. Был ли подобный печальный исход запрограммирован? Этого вопроса мы хотим коснуться в завершающей части статьи.

Имелась ли альтернатива? Часто говорят, что, поскольку «история не имеет сослагательного наклонения», рассмотрение любых альтернативных вариантов развития событий не имеет права на существование. Нам такая точка зрения не близка. Если ход истории мог быть только таким, каким он был, из нее оказывается полностью исключенным этическое измерение, мы теряем право оценивать ошибки и даже преступления деятелей прошлого. Да и в целом исторический процесс обретает какие-то фаталистические черты.

Итак, можно ли было избежать крушения греческого полисного мира (а эллинистический мир, пришедший ему на смену, являл собой, по нашему глубокому убеждению, в ряде отношений регресс по сравнению с ним⁴³)? В начале IV в. до н.э., пожалуй, уже нельзя. В последний раз такая возможность возникла, как мы попытались показать в другом месте⁴⁴, в 415 г. до н.э., но и тогда она уже была довольно сомнительной и паллиативной. В более реальных очертаниях она вырисовывалась в 460-х гг. до н.э. Сейчас мы поясним, о чем идет речь.

Наиболее убедительный мотив для формирования панэллинского единства сами греки обычно видели в необходимости противостоять Персии (этот мотив был эксплицитно высказан Исократом, но существовал, конечно, и ранее). Действующий гегемон Эллады так или иначе оказывался перед необходимостью вступить в борьбу с Ахеменидской державой. Так, в частности, произошло со Спартой после Пелопоннесской войны. Спартанцам, утомленным многолетними военными действиями, этот новый конфликт на Востоке был совершенно

⁴³ Суриков 2022а: 44–60.

⁴⁴ Суриков 2007: 30–39.

не нужен, но уйти от него было невозможно. Если бы победа в схватке за гегемонию была одержана не Спартой, а Афинами (а такая перспектива была вполне реальной в случае успеха Сицилийской экспедиции), то лидером наступления на персов стали бы они⁴⁵.

Болезненно ощущалось, что Греко-персидские войны не были доведены до своего логического завершения, то есть, как минимум, до полного изгнания персидских сил из Малой Азии; Каллиев мир 449 г. до н.э. оставлял в опасной близости от Эгейды могущественное, жаждущее реванша враждебное государство. Такое окончание войн было связано в первую очередь с тем, что Афины и Спарта, стоявшие у истоков Эллинского союза, не нашли общего языка, а со временем и кардинально поссорились, и им стало совсем уже не до Персии, а до своих внутригреческих разборок. Если бы они сохранили дружественные отношения, давить на Ахеменидов можно было продолжать и далее.

В Афинах как раз эту линию, весьма перспективную («дружить со спартанцами и воевать с персами»), последовательно отстаивал Кимон (и воспевал сторонник его политики Геродот). Довести дело до полной победы над Персией для Кимона воистину было главной задачей всей жизни. Даже после разгрома афинского флота в Египте⁴⁶ он совершил знаменитую кампанию на Кипр (афинян, несомненно, должно было смущать, что греки-киприоты, тоже соотечественники, все еще находятся под персидским владычеством) и вел ее победоносно, но после его кончины кампания эта была фактически свернута и мир с Артаксерксом I вскоре же подписан, оставляя кипрские полисы не освобожденными. Тогда уже иных опций не существовало, поскольку Эллинский союз был распущен и Спарта являлась Афинам не другом, а врагом⁴⁷.

Таким образом, роковой «точкой бифуркации» стала пресловутая опала Кимона в 461 г. до н.э., знаменовавшая его устранение с лидирующей позиции в афинском полисе (после возвращения из остракизма он этой позиции уже не достиг). Опала же эта была в своих глубинных истоках вызвана внутривосточными причинами – к власти стремился молодой Перикл. Исползованный последним, чтобы одержать верх над противником, внешнеполитический инцидент (отсылка спартанцами афинского вспомогательного контингента из Мессении на родину⁴⁸) сам по себе отнюдь не был фатальным и мог бы быть сглажен, будь на то добрая воля.

Итак, в 461 г. до н.э. заканчивается афино-спартанская дружба. А если бы она сохранилось, сохранились бы и все перспективы даль-

⁴⁵ Суриков 2022b: 136.

⁴⁶ К самой этой авантюрной идее – направить военную помощь египтянам в то время, как в самой Греции Афины уже вели Малую Пелопоннесскую войну, – Кимон был не причастен, находясь тогда в остракизме (датировки см.: Суриков 2006: 135–137).

⁴⁷ В момент подписания Каллиева мира Малая Пелопоннесская война была приостановлена пятилетним перемирием, но было ясно, что по его истечении военные действия возобновятся (как и произошло в 447 г. до н.э.).

⁴⁸ Bloedow 2000: 89–101.

нейшего успешного продолжения Греко-персидских войн. Нам, конечно, могут возразить, что Спарта уже после 479 г. до н.э. самоустранилась от ведения наступательных действий против Персии и не имела желания их возобновлять.

Действительно, спартанская верхушка в целом отличалась косностью и пассивностью. Однако раз в несколько поколений в лакедемонском государстве появлялся энергичный, пассионарный лидер – адепт активной военной политики. Таковым был регент Павсаний, который кончил очень плохо во многом потому, что, в отличие от герусии и эфората, выступал за продолжение натиска на персов. Следующим деятелем аналогичного типа явился Брасид, тоже нимало не напоминавший традиционного спартиата. В реальности ему пришлось проявлять свой военный гений (не побоимся этого слова) на фронтах Пелопоннесской войны против Афин. А вот если бы Спарта с Афинами остались союзниками (и самой Пелопоннесской войны не было бы), он мог бы отличиться в борьбе с Персией. В Афинах как раз тогда же (чуть позже) появляется другой полководец колоссального дарования – Алкивиад⁴⁹. Если представить себе этих двоих в роли командующих гипотетическим восточным походом (Брасида во главе сухопутных сил, Алкивиада – во главе морских), вполне мыслима ситуация, в которой уже к концу V в. до н.э. на месте Ахеменидской державы появилось бы греческая имперская структура, причем это сопровождалось бы не рецепцией восточной деспотии эллинами (как произошло при Александре Великом), а, напротив, переносом полисных традиций на огромные завоеванные территории.

Литература/References

- Гаспаров М.Л.* 1997. Избранные труды. Т. 1: О поэтах. М. [*Gasparov M.L.* 1997. *Izbrannye trudy*. Tom 1: O poetakh. Moskva].
- Кузищин В.И.* 1986. Внутриполитическое положение Греции во второй половине V в. до н.э. // История Древней Греции / В.И. Кузищин (ред.). М. С. 183–193 [*Kuzishchin V.I.* 1986. *Vnutripoliticheskoe polozhenie Gretsii vo vtoroy polovine V v. do n.e.* // *Istoriya Drevney Gretsii* / V.I. Kuzishchin (red.). Moskva. S. 183–193].
- Макарова О.М.* 2021. История афинской империи в трудах В.М. Строецкого // Исследования зарубежной истории: сборник статей. Вып. 2 / Е.П. Барина, Е.А. Гуськов (ред.). Самара. С. 5–13 [*Makarova O.M.* 2021. *Istoriya afinskoy imperii v trudakh V.M. Stroetskogo* // *Issledovaniya zarubezhnoy istorii: sbornik statey*. No. 2 / E.P. Barinova, E.A. Gus'kov (red.). Samara. S. 5–13].
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* 2002. Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // ПИФК. Вып. 13. С. 5–21 [*Marinovich L.P., Koshelenko G.A.* 2002. *Prichiny i obstoyatel'stva padeniya «Likurgova stroya» v Sparte* // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Vyp. 13. S. 5–21].

⁴⁹ Строго говоря, военная карьера Алкивиада началась после гибели Брасида. Но ведь и самой этой гибели не было бы в рассматриваемом нами альтернативном варианте, в котором отсутствует Пелопоннесская война, а Брасид пал совсем не старым и мог бы долго еще продолжать свою деятельность.

- Строгецкий В.М.* 1991. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород [Strogetskiy V.M. 1991. Polis i imperiya v klassicheskoy Gretsii. Nizhniy Novgorod].
- Суриков И.Е.* 2006. Остракизм в Афинах. М. [Surikov I.E. 2006. Ostrakizm v Afinaх. Moskva].
- Суриков И.Е.* 2007. Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // *Antiquitas aeterna*. Вып. 2. С. 30–39 [Surikov I.E. 2007. Byla li Sitsiliyskaya ekspeditsiya avanturoy? // *Antiquitas aeterna*. Vyp. 2. S. 30–39].
- Суриков И.Е.* 2011. Очерки об историописании в классической Греции. М. [Surikov I.E. 2011. Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii. Moskva].
- Суриков И.Е.* 2015. Патриотизм афинских лаконофилов: специфика и коллизии // *Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории* / Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев, Д.В. Шмелев (ред.). Казань. С. 9–31 [Surikov I.E. 2015. Patriotizm afinskikh lakonofilov: spetsifika i kollizii // *Patriotizm i kollaboratsionizm v mirovoy istorii* / E.V. Rung, E.A. Chiglintsev, D.V. Shmelev (red.). Kazan'. S. 9–31].
- Суриков И.Е.* 2017. Геродот, Филаиды и Алкмеониды (несколько слов о старой теме в связи с ее нынешним состоянием) // *Метаморфозы истории*. Вып. 10. С. 9–34 [Surikov I.E. 2017. Gerodot, Filaidy i Alkmeonidy (neskol'ko slov o staroy teme v svyazi s eye nyneshnim sostoyaniem) // *Metamorfozy istorii*. Vyp. 10. S. 9–34].
- Суриков И.Е.* 2018. Присутствовала ли библиография в трудах древнегреческих историков? // *Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки* / Е.А. Воронцова (ред.). М. С. 690–700 [Surikov I.E. 2018. Prisutstvovala li bibliografiya v trudakh drevnegrecheskikh istorikov? // *Rol' bibliografii v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki* / E.A. Vorontsova (red.). Moskva. S. 690–700].
- Суриков И.Е.* 2021. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // *ВДИ*. № 4. С. 837–862 [Surikov I.E. 2021. K khronologii zhizni i tvorchestva istorika Gellanika // *Vestnik drevney istorii*. № 4. S. 837–862].
- Суриков И.Е.* 2022a. О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. № 2. С. 44–60 [Surikov I.E. 2022a. O nekotorykh osobennostyakh ellinisticheskoy tsivilizatsii: polemicheskie zametki // *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»*. № 2. S. 44–60].
- Суриков И.Е.* 2022b. Политические деятели Древней Греции. Т. II: Эпоха кризиса полиса. М. [Surikov I.E. 2022b. Politicheskie deyateli Drevney Gretsii. Tom II: Epokha krizisa polisa. Moskva].
- Суриков И.Е.* 2022c. Солон и его время. Т. 1. СПб. [Surikov I.E. 2022c. Solon i ego vremya. Tom 1. Sankt-Peterburg].
- Bloedow E.F.* 2000. Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 BC? // *АНВ*. Vol. 14. No. 3. P. 89–101.
- Boedeker D.* 2021. End of the Histories // *The Herodotus Encyclopedia* / C. Baron (ed.). Vol. 2 (E–O). Hoboken. P. 503–505.
- Brock R.* 2021. Archē (ἀρχή, ἡ) // *The Herodotus Encyclopedia* / C. Baron (ed.). Vol. 1 (A–D). Hoboken. P. 114–116.
- Canfora L.* 2006. Biographical Obscurities and Problems of Composition // *Brill's Companion to Thucydides* / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden. P. 3–31.
- Constantakopoulou C.* 2007. The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World. Oxf.
- Develin R.* 1985. Herodotos and the Alkmeonids // *The Craft of the Ancient Historian* / J. Ober, J.W. Eadie (eds.). Lanham. P. 125–139.

- Figueira T.J.* 1998. *The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire*. Philadelphia.
- Fornara C.W.* 1971. Evidence for the Date of Herodotus' Publication // *JHS*. Vol. 91. P. 25–34.
- Funke P.* 1980. *Homónoia und Arché: Athen und die griechische Staatenwelt vom Ende des Peloponnesischen Krieges bis zum Königsfrieden (404/3–387/6 v. Chr.* Wiesbaden.
- Funke P.* 2004. Sparta und die Peloponnesische Staatenwelt zu Beginn des 4. Jahrhunderts und der Dioikismos von Mantinea // *Xenophon and his World: Papers from a Conference Held in Liverpool in July 1999* / C. Tuplin (ed.). Wiesbaden. P. 427–435.
- Hall J.* 2010. Autochthonous Autocrats: The Tyranny of the Athenian Democracy // *Private and Public Lies: The Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World* / A.J. Turner, J.H.K.O. Chong-Gossard, F.J. Vervaet (eds.). Leiden; Boston. P. 11–28.
- Hamilton C.D.* 1991. *Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony*. Ithaca; London.
- Hammond N.G.L.* 1969. *Strategia and Hegemonia in Fifth-Century Athens* // *CQ*. Vol. 19. No. 1. P. 111–144.
- Hansen M.H.* 2004. Introduction // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation* / M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.). Oxf. P. 1–153.
- Hart J.* 1982. *Herodotus and Greek History*. L.
- Hornblower S.* 2004. A Commentary on Thucydides. Vol. 2: Books IV–V. 24. Oxf.
- Irwin E.* 2005. *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambr.
- Irwin E.* 2021. Date of Composition // *The Herodotus Encyclopedia* / C. Baron (ed.). Vol. 1 (A–D). Hoboken. P. 409–412.
- Kagan D.* 1987. *The Fall of the Athenian Empire*. Ithaca; London.
- Kallet L.* 2013. The Origins of the Athenian Economic Arche // *JHS*. Vol. 133. P. 1–18.
- Kallet L., Kroll J.H.* 2020. *The Athenian Empire: Using Coins as Sources*. Cambr.
- Kienast D.* 2003. Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // *Chiron*. Bd. 23. S. 43–77.
- Kingsley K.S.* 2018. Justifying Violence in Herodotus' Histories 3.38: Nomos, King of All, and Pindaric Poetics // *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian* / E. Bowie (ed.). Berlin; Boston. P. 37–58.
- Lendle O.* 1968. Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos // *Thukydides* / H. Herter (hg.). Darmstadt. S. 661–682.
- Liddell H.G., Scott R., Jones H.S., McKenzie R.* 1996. *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxf.
- Loroux N.* 1981. *L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique*. P.
- Low P.* 2018. Hegemonic Legitimacy (and its Absence) in Classical Greece // *Ancient Greek History and Contemporary Social Science* / M. Canevaro, A. Erskine, B. Gray, J. Ober (eds.). Edinburgh. P. 433–454.
- Mattingly H.B.* 1996. *The Athenian Empire Restored*. Ann Arbor.
- Meiggs R.* 1972. *The Athenian Empire*. Oxf.
- Mills S.* 1997. *Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxf.
- Nicolai R.* 2006. Thucydides Continued // *Brill's Companion to Thucydides* / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden. P. 693–719.
- Ober J.* 1994. Civic Ideology and Counterhegemonic Discourse: Thucydides on the Sicilian Debate // *Athenian Identity and Civic Ideology* / A.L. Boegehold, A.C. Scafuro (eds.). Baltimore; London. P. 102–126.
- Papadopoulou T.* 2012. Altruism, Sovereignty, and the Degeneration of Imperial Hegemony in Greek Tragedy and Thucydides // *Crisis on Stage: Tragedy and*

- Comedy in Late Fifth-Century Athens / A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.). Berlin; Boston. P. 377–404.
- Rawlings H.R.* 1979. The Arche of Thucydides' War // *Arktouros: Hellenic Studies Presented to Bernard M.W. Knox on the Occasion of his 65th Birthday* / G.W. Bowersock, W. Burkert, M.C.J. Putnam (eds.). B.; N.Y. P. 272–279.
- Rhodes P.J.* 1993. *The Athenian Empire: with Addenda*. Oxf.
- Rufin Solas A.* 2016. *Symmachia et hégémonie sur les peuples guerriers de Thrace, du royaume odryse à la domination macédonienne // La symmachia comme pratique du droit international dans le monde grec. D'Homère à l'époque hellénistique* / Sous la direction de J.-C. Couvenhes. P. P. 113–123.
- Samons L.J.* 2017. Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens // *Historia*. Bd. 66. Ht. 1. S. 21–44.
- Smart J.D.* 1986. Thucydides and Hellenicus // *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing* / I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.). Cambr. P. 19–35.
- Stadter P.A.* 1991. Pericles among the Intellectuals // *ICS*. Vol. 16. No. 1/2. P. 111–124.
- Strasburger H.* 1955. Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. Bd. 4. Ht. 1. S. 1–25.
- Surikov I.E.* 2013. Herodotus and the Philaids // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History* / A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.). Stuttgart. P. 45–70.
- Welser C.* 2021. Athens and Herodotus // *The Herodotus Encyclopedia* / C. Baron (ed.). Vol. 1 (A–D). Hoboken. P. 192–193.
- Will W.* 1995. *Perikles*. Reinbek.
- Will W.* 2003. *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2022.

Принята к публикации / Accepted 26.09.2022.

Опубликована / Published 27.04.2023.